

«Словарь русских народных говоров». Вып. 1—10
(А — *варсить*). Главный редактор Ф. П. Филин,
редактор Ф. П. Сороколетов. Л., ЛО изд-ва «Наука», 1965—1974.

Составители Словаря десятый выпуск отмечают определенный этап своей работы, это видно и по предварительным результатам, приведенным в томе: «В первых десяти выпусках Словаря помещено 36 811 слов, не считая 2444 отсылочных. Из них существительных — 16 600, прилагательных — 5021, местоимений 30, числительных 28, глаголов 11 340, наречий 2838, предлогов 58, союзов 132, частиц 175, междометий 329, грамматически не определенных слов — 260» (СРНГ, 10, стр. 3). Судя по этим данным, вышла примерно пятая часть всех выпусков Словаря, который по словнику будет в 2,5 раза больше словаря под ред. Д. Н. Ушакова («Толковый словарь русского языка», I — IV, 1935—1940) — в нем до данного отрезка около 15 000 слов, и даже больше «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах — в последнем до данного отрезка чуть больше 25 000 слов, что также составляет около пятой части всего Словаря. Таким образом, читатель получит исчерпывающий компендиум по русской диалектной лексике, в который войдет около 200 тыс. слов, когда-либо представленных хотя бы в одном русском говоре. Это огромное предприятие включает в себя фактически все источники по русской диалектной лексикографии, которые когда-либо существовали или появятся впредь: в первых выпусках использовано 1984 печатных и 1402 рукописных источника — словари, картотеки, исследования, описания, диссертации и т. д., большое количество рукописных материалов, которые иначе никогда бы не получили возможности издания, само по себе важно для характеристики Словаря. Он и по своей источниковедческой основе оказывается оригинальным и новым изданием, не дублируя уже изданные, хорошо известные специалистам словари. Перед ним стоят совершенно другие, важные для современной лексикографии задачи.

Словарь русских народных говоров (СРНГ) можно рассматривать как своеобразное дополнение и к предполагаемому к изданию историческим словарям русского языка, и к академическим полным и толковым словарям современного русского литературного языка. Фактически, только завершение всех трех предприятий подобного рода обеспечит русистике и славистику основательной базой, необходимой для широких лексикологических исследований, снимет тот налет тематической узости, неизбежного субъективизма в толкованиях, случайности в интерпретациях наличного материала, которые характерны для современных лексикологических работ.

Отношение к нормативности, с одной стороны, и к истории — с другой, у составителей Словаря неравноценное. От нормативности СРНГ отталкивается, не включая в себя слов и значений, характерных для современного русского литературного языка (опираясь в этом смысле на обширную картотеку к БАС и столь широко представляя принцип дифференциальности); следовательно, он ориентирован на лексику не повсеместного распространения. Уже это сближает СРНГ со словарем историческим, который включает слова, встречающиеся в редких рукописях и источниках. Действительно, всякая оппозиция к нормативности неизбежно ведет к динамической реконструкции — и это основное достоинство рецензируемого Словаря как источника. Многочисленные примеры демонстрируют эту его ориентацию: и система помет, и порядок расположения значений в словарной статье, даже вызванная издательскими требованиями краткая цитация примеров — характером своего исполнения, сам материал, отражающий развитие диалектной речи на протяжении двух последних столетий (включены также исследования по истории диалектной лексики); Словарь учитывает архаизмы и новации, разные типы фразеологизмов, лексикографические комментарии старых описаний диалектной лексики, а также употребление диалектной лексики в языке старых бытописателей — все это отражает на страницах СРНГ историческую перспективу в развитии диалектной лексики, ее стилистические, грамматические и прочие возможности. Авторам никогда не изменяет чувство исторической реальности: по существу, они не выходят за пределы XVII—XX вв., т. е. того периода, когда русские говоры существуют и развиваются наряду с национальным литературным языком и противопоставлены ему как единое целое. Факты фольклорной речи, несмотря на их литературность, все-таки включаются в корпус СРНГ — поскольку функционально они противопоставлены тому же литературному языку. По-видимому, и сами составители СРНГ безотчетно проникнуты историческим тоном своей работы, поскольку в Словаре довольно часто именно те цитаты и примеры, которые ведут читателя в самые истоки значения — если только оно было характерно русскому говору хотя бы XVII в. (ср. *великий* в значении «большой» и мн. др.). Всесторонность материала, его широта и глубина таковы, что на кратком поле словарной статьи оказывается возможным представить и всю родословную слова, и всю систему в ее прошлом виде. В самом деле, если чи-

татель получает выразительную серию из 137 слов с корневым *дом-*, или 140 слов с корневым *дуб-*, или массу других образованных, столь же репрезентативных, для его исследовательских целей этого окажется вполне достаточно в решении любого вопроса. Сам Словарь становится в конце концов той ограничительной рамкой, в которую укладываются предельные возможности исследования. Покажем это на примере корня *див-*.

С одной стороны, имеются и собственно литературные слова и значения, входящие в данную группу слов (обычно с пометой «стар». они и приводятся из Словаря 1847 г. и др.) — *див*, *диво*, *дивий* «дикий, лесной», много такого рода примеров в интердиалектных фольклорных текстах, которые демонстрируют «неразговорность» соответствующих форм (ср. *дивеса* «чудеса»). Весь остальной, представленный словарем материал, определенно расслаивается на две группы: для южнорусских говоров характерно широкое использование слова *диво* и производных (*дивачиться* «чудить», *дивяще* «удивление», *дивиться* и др.), что частично сближает их с украинскими говорами, в севернорусском материале находим только лексикализованные остатки этого корня в виде некоторых обобщенных форм, но зато в семантическом отношении они являются и самыми архаичными, ср. *дивен* «большой» Арх., *дивенько*, *дивечко* (сказ.) «странно» Свердл., *диви*, *дивья бы* «если бы», *дивно* «много» и т. д., что всегда связано с исходным значением «величины и удивительности (божества)». В другом случае распределение слов *живот* — *жит(ь)* — *житье*, в зависимости от территориального распространения или сохранения архаического значения слова, позволяет представить схему соотношения этих лексем для передачи древнерусских значений «жизнь» во всех сферах языка и общественного быта. Именно тут мы и нуждаемся в сверточных данных исторических словарей, которые своим материалом, идущим дальше XVII в., покажут исходные точки дифференциации и уже собственно систему (а не схему) древнерусского языка. Примеры такого рода легко увеличить — их легко обнаружит сам читатель, заинтересованный строгими и последовательными определениями Словаря, точными пометами, исчерпывающими ссылками на время и место записи. Высокая культура лексикографического исполнения должна гарантировать объективность и законченность представленных в Словаре данных.

Цельность этих данных определяется тем, что мы почти последовательно имеем дело именно с русским материалом, т. е. условно ограничим единой в прошлом лексической системой. Тот же материал в широкой проекции на другие восточнославянские или вообще на другие славянские языки мог бы показать разную степень архаичности в значениях общесла-

вянских слов (тех же *живот* — *житье*, например, с предпочтением второго первому в западнославянских языках, даже в украинском языке), различные отношения к литературному эквиваленту (например, в русском языке — к слову *жизнь*), специфику новых, развившихся позже, значений в ряде слов (например, ориентацию на разные части тела в сужении значения слова *живот*: «желудок» в русском, но — «материнская утроба» в кашубском и т. д.). «Русскость» материала в Словаре представлена всесторонне. В частности, большое значение уделяется фонетическому облику слова, всему многообразию формального варьирования лексемы во времени и в пространстве. Это само по себе ограничивает рассмотренный лексический состав известным славянским регионом (ср. *жагло* «жалло», которое может быть ограничено северо-западными русскими, восточнопольскими и некоторыми словацкими говорами; только *гнус* при отсутствии *гнус* и прочих подобных чередований неисконной мягкости, что ограничивает русские факты даже от белорусских, не говоря уж о других славянских языках). Словообразовательное варьирование, также широко представленное в Словаре, в свою очередь позволяет реконструировать последовательное развитие семантики слова в зависимости от материально наглядных процессов словообразования и всегда определено в данной диалектной зоне; ср., например, взаимозависимость значений и форм *жалкий* — *жалобный* — *жалостный* — *жалучий* — *жалый* и др., представленных каждый раз в ограниченной диалектной зоне, но совместно противопоставленных литературному *жалостливый* — единственной формой этого ряда, в Словаре не представленной. К сожалению, именно в данном отношении СРНГ не вполне последователен: иногда представлены материалы, заведомо не русские. Вряд ли целесообразно включать сюда заимствования из белорусского, украинского, польского языков в характерной для этих последних огласовке: *вонтроба* «утроба» (в русских говорах Латвии), *вибжа* «обжа», *вышеньє* «вишни», *гострый*, *грать* «играть», *гарный* «хороший, красивый» (в южнорусских говорах на пограничье с Украиной), *вёска*, *весца* «деревня» (в западнорусских говорах) и т. д. Подобные примеры способны сместить в целом четкую перспективу системности, взятую в ее конечном, но национально ограниченном пределе. Впрочем данное замечание требует оговорки: непоказательная для реконструкции старой лексической системы и для истории собственно русских диалектов, данная лексика впоследствии может оказаться важной для исследования межславянских лексических контактов. Поэтому лексикологическое ограничение темы, преимущественное внимание чему уделяется в настоящем обзоре, разумеется, не долж-

но влиять на лексикографическую обработку материала в рецензируемом словаре: Словарь шире тех требований и пожеланий, которые мы могли бы высказать в его адрес.

В любом случае общая совокупность материала, представленная в СРНГ, именно своей массовостью выявляет те лексемы русского языка, которые остаются литературными и не входят в систему народного языка. Как правило, литературное происхождение слова проявляется в том, что соответствующая лексема имеет одно общее значение (не расслоилось по говорам семантически), слабо обросло производными, фиксируется не на всей территории распространения русского языка и (обычно на основе народной этимологии) связано с близким народному языку словом. В свете данных критериев, взятых в их совокупности, такое странное для литературного языка слово, как *гайно*, или объявляемое заимствованным (в памятниках с XIV в.) слово *глаз* — общерусские лексемы чрезвычайно высокой семантической насыщенности, тогда как, например, *вещь* — явно заимствованное из литературного языка слово. В последнем случае вариант *вещь*, судя по приведенным в Словаре контекстам, смешивает два первоначально самостоятельных значения: собственно диалектное, поскольку *вещь* — «лекарство, приворотное зелье», также прочие вещи существа (например, змея) и предметы, и фонетическое искажение русского литературного слова в значении «предмет». Литературное *вещь* сталкивается здесь с русским *вещь(а)* (из *вѣд-*), приведя к смешению первоначально различных, но схожих значений (ср. неясное *вещина*, встречаемое только в былинных текстах, в котором можно видеть первоначальный этап наложения литературного *вещь* на древнее *вѣща*). Этот пример особо подчеркивает важность той внимательности к внешней форме слова, которая так характерна для составителей СРНГ: именно форма слова могла стать и в большинстве случаев действительно становилась поводом для семантических сближений или расхождений, важно не упустить ни одного факта, способствующего осознанию таких процессов.

Однако значение СРНГ для разграничения собственно русской и русской литературной лексики выходит за пределы чисто формальных сходств. Ср., например, слово *дар*, которое в БАС представлено как слово высокого (поэтического) слога или дано в переносном значении «способность, дарование», а в СРНГ детально разработано как слово народного языка («свадебные подарки; приданое; наследство; урожай; жир»). Вместе с тем *дань*, которое и в БАС дано как «истор.», напротив, оказывается не народно-разговорным словом, и этим, в частности, определяется возможность разговорных отклонений в произношении слов, ср. *дань*

как стилистический вариант произношения наречия *недавно*. Отсутствие в системе слова позволяет в изменениях формы доходить до пределов омонимии, поскольку это не приводит к столкновению с реальной для системы лексической единицей. Варьирование формы лимитируется реальностью семантической системы, которая в каждом говоре индивидуальна. Тут мы переходим к теме, неоднократно дискутировавшейся: преимущество полного словаря одного говора перед дифференциальным диалектным словарем. Слишком теоретический по существу, этот спор показал практическую важность (и зависимость друг от друга) словарей обоего типа. Имея же в виду СРНГ, не следует забывать, что этот словарь является с о д н ы м, в нем критически пересмотрены и иллюстрации, и толкования использованных источников, уточнены многие значения слов. Чтобы увидеть это, достаточно сравнить ряд словарных статей в Словаре русского языка под ред. А. А. Шахматова и в СРНГ (ряд источников, использованных в этих словарях, совпадает). Так, слово *задел* в СРНГ разбирается на несколько самостоятельных значений, всегда четко соотносенных с определенной диалектной зоной; ср. третье значение шахматовского словаря, которое в СРНГ распадается на три самостоятельных, близких друг другу только с точки зрения всего русского языка, но различных с позиции конкретного говора: «рубка и заготовка леса к вывозу на сплав» — «вывоз бревен зимой для сплава их вespoko по реке» — «верфь, на которой строятся суда для соляных промыслов». Ср. также и другие отличия в разработке словарных статей, основанных на старых источниках, в Словаре Шахматова и в СРНГ (*выть*, *займа*, *заллом*, *заклад* и т. д.). Во всех случаях СРНГ строго дифференцирует мельчайшие оттенки значения, привязанные к различным диалектным зонам; составители как бы исходят из предположения, что в данной диалектной зоне именно этот оттенок значения может оказаться единственным для данного слова. Таким образом, новый сводный словарь является дифференциальным и в этом отношении: любой оттенок значения он соотносит с определенной диалектной системой, в целом, в границах самостоятельной словарной статьи подчеркивая совместимость этих оттенков как равноценных диалектных единиц. Такова трудность исполнения работы, определяемая жанром словаря. С одной стороны — цельное и последовательное противопоставление литературной норме, с другой стороны — ясно осознаваемая системность отдельного говора. Возникают полярные грани композиционного замысла СРНГ, его центробежные и центроостремительные пределы, форма, в которую бережно и максимально исчерпывающе укладывается наличный материал. Досадной

помехой последовательной структуре словаря здесь могут оказаться те редкие окказионализмы, которые составители почему-то не решились отбросить. Ср. *Я в ы ш е господского делать не стану* в значении «против» (запись Тихв. Новг., 1854), или *гора* в значении «женская грудь» (запись Ветлуж. Костром., 1933). В конечном же счете, основной материал СРНГ, репрезентативный количественно и качественно, в корпусе Словаря представлен настолько точно, что дает выразительную картину варьирования по говорам и реальному (см. *жито*), и семантического (см. *жить*), и историко-этимологического (см. *гад*) значения описанных лексем. Фактически это свод различных диалектных систем с точки зрения их внутренней сопоставимости — как одинаково русских и в потенции восходящих к одной общей системе.

Словарь, являясь толково-переводным, значение многих диалектных слов определяет посредством литературных эквивалентов. Это и облегчает работу лексикографов, и вместе с тем усложняет ее. Внешняя простота толкования, доступность для любого читателя (а читатель этого словаря чрезвычайно широкий) требует детализации в словарных определениях, особенно там, где разные говоры дают различные частные значения слова. Стоит сравнить слово *зад* в толковом словаре и в СРНГ, чтобы представить себе трудность задачи, возникающей перед автором последнего. «Задняя часть чего-либо» как самое общее значение не годится для СРНГ, ибо, во-первых, оно является литературным и потому неприемлемо для составителей СРНГ по теоретическим соображениям; во-вторых, оно заглушает многочисленные частные значения слова, которые со временем в определенных говорах стали единственно возможными, а для литературного языка, наоборот, ни в одном контексте не являются характерными. Поэтому СРНГ дает целую серию значений («задняя часть мясной туши, огузок; задняя холодная часть дома; задняя часть русской печи» и т. д.), которые и сами по себе важны в последовательной семантической разработке русского слова (если когда-нибудь она станет сюжетом специального исследования) и вместе с тем конкретизируют широкое значение литературного слова с точки зрения предметно ориентированной народной речи. Другое дело, что составители СРНГ тут же вынуждены реагировать на другое обязательное условие поставленной перед ними двуединой задачи, они должны произвести лексикографическую обработку и ф о р м а л ь н ы х вариантов лексем. В результате (если ограничиться приведенным примером) наряду с высоко информативной статьей *зад* мы получаем самостоятельные словарные статьи для единичного наречного употребления *зады* «сзади» (Иркут., 1929) и *зад* нареч. «сзади» (в соче-

тании: *поставлена эта гата зад моего двора* — чисто фонетическая реализация наречия *сзади*, вовсе не требующая выделения).

Ориентация на диалектную форму, видимо, в значительной мере избыточна; очень часто в этих случаях СРНГ идет на поводу у своих источников, не решаясь изменять однажды зафиксированную форму лексемы. Между тем довольно часто формальные различия объясняются всего лишь первым впечатлением собирателя, ср. в одних и тех же значениях и в одном и том же говоре, но из разных источников: *ватарба* — *ватарга* — *ваторба* — *ваторга*; *веретя* — *веретия* — *веретья*; *выскорь* — *выскирь* — *выскер* и др. Некоторые из таких вариантов, не будучи специально комментированы, способны вызывать недоумение у неподготовленного читателя. Так, слово *гасник* дано как равноправный вариант к *гашник*, хотя на самом деле это две разные диалектные формы (цокающего и нецокающего произношения) от исконной, также представленной в Словаре формы *гачник*; форма *гасник* лексикализована в районах вторичного заселения выходцев из севернорусских говоров, и в этом смысле включение ее в словарь как-то оправдано; разграничение *гачник* — *гашник* неясно. Те же сибирские и дальневосточные говоры для русского *голубец* «пристройка к русской печи» дают лексикализованный вариант *гобец*, относительно которого опять не дается никаких комментариев направляющего характера, что способно привести к осознанию этих слов самостоятельными лексемами. На самом же деле перед нами различное изменение сочетания среднего (невеляризованного) *l* с губным *b*: в русских говорах Европейской части подобное сочетание развило гласную вставку (*голубец* в целом ряде значений), а на новых территориях заселения, в других условиях привело к усращению самой фонемы *l*. Еще выразительнее примеры унификации одного из двух типов произношения — с глухим или соответствующим звонким согласным. Такие примеры широко представлены в СРНГ, ср. смешение типа *гузно* «нижняя часть чего-нибудь» и *гузно* «лубяная корзинка», во втором случае от *кузно*, ср. *кузов*; сюда же относятся и приведенные в Словаре *гузов* «берестяной сосуд», *гузовица*, *гузовка* «лубяная корзинка», *гузовок* «сосуд из коры» и др. — относительно которых также нет желательных отсылок к общерусскому (не севернорусскому) *кузов* (ок). Подобные случаи несомненно отличаются от внешне сходного просторечного *гумага*, которое не затруднит читателя в лексикологической интерпретации, тем более, что ему сопутствует ясное указание Словаря: «бумага».

Встречая псковское *гудра*, мы вовсе не требуем немедленной отсылки к *выдра*, хотя бы потому, что близость литовского

ареала требует предварительного доказательства, что в данном случае перед нами искажение общерусского *выдра*, а не местное произношение (с *e* перед начальным *y*: *вутка*) вторичного заимствования из литовского. Однако в большинстве случаев фонематический субъективизм собирателя, воспринявшего неизвестное ему слово именно с данным составом фонем, следовало бы преодолеть, хотя бы путем отсылок к основной форме слова. В представленных выпусках Словарь, цельный и четкий в семантическом отношении, оказывается расплывчатым с точки зрения формальной. Читателю предлагается самому собрать необходимый набор лексем, игнорируя случайности записи.

С этой же проблемой связана и акцентологическая характеристика слов. Удивительно большим количеством акцентных расхождений Словарь дает подтверждение давнему наблюдению, что южнорусские и севернорусские говоры по-разному относились к словесному ударению: для южнорусских оно — важный признак слова, тогда как для севернорусских важно всего лишь ударение словоформы, и потому каждый собиратель (особенно из прежних) известную ему словоформу считает представителем всей акцентной парадигмы, фиксируя то *молбдой*, то *молобдй*, и т. д. Даже для наречий СРНГ на всякий случай показывает оба известных в записях ударения, ср. *вдъане* и *вдагнэ*, из которых второе ограничено единственной фиксацией Твер., 1910 и вообще для всех пределов распространения русского языка является нехарактерным. Информативным оказывается строгое противопоставление слов, по всем говорам дающих одно и то же ударение (*вековбй*) словам, вызывающим наибольшее число отклонений и вариантов (*вѣрѣднбй*, *вѣрѣвбй*, *жѣрѣвбй* — каждый раз в зависимости от ударения производящего слова, характерного для данного говора) — и этот показатель может стать лексикализованной характеристикой диалектных слов, преимущественно в связи со словообразованием; он показывает диалектное варьирование специально в отношении производных. Скрупулезное выявление всех таких расхождений — заслуга авторов СРНГ. Однако и в данном отношении наблюдается любопытная закономерность: большинство колебаний в ударении слов дают именно севернорусские (преимущественно поморские) говоры. Так, исконное ударение производных *верзвина*, *верзвица*, *верзвище*, *верзвьє*, *верзвина* и др. представлено в большинстве русских говоров, однако заголовочное слово каждой статьи в СРНГ всегда для этих слов показано с двумя возможными ударениями, из чего следует, что и встреченным единичным отклонениям придается самостоятельное значение. В дан-

ном перечне, как и в большинстве других случаев, возможно двойное отношение к возможному варьированию. Оказывается, прежде всего, что *верзвина* (запись на Ояти), *верзвица* (Сев. Двина и Арх.), *верзвище* (Пудож и Черепов.), *верзвина* (Иркутск., Костр., Вологод. и др. севернорусские говоры) зарегистрированы в севернорусской зоне — и это особенно важно в уяснении акцентных сдвигов специально на Севере. Другие колебания (типа *верзвьє* — *верзвьє*, или, особенно часто, в произношении дусложных слов *губа* — *губá*, *дыра* — *дырá* и под.) менее важны, так как они отражают контекстные колебания ударения, характерные для севернорусских говоров и в представленном виде обязанные не критическому отношению собирателей к регистрируемым фактам. Такие колебания не являются лексикографическим объектом описания, и их без ущерба можно было бы убрать из Словаря. Таким образом, стремясь к полноте и точности фиксации материала в традиционной записи, но не всегда последовательно расставляя лексически важное от второстепенного (по форме), составители Словаря рискуют остаться в рамках лексикографического буквализма; многое из формальной информации о слове оказывается избыточным и уж во всяком случае не столь существенным, чтобы выносить эту информацию в самостоятельную словарную статью.

В кратком обзоре невозможно коснуться всех проблем, которые затронуты, представлены или решены в обширном «Словаре русских народных говоров». Появление первых десяти выпусков Словаря означает, что период первоначального накопления материала, его предварительной разработки и начальных фаз описания, поисков наилучшей, экономной и быстрой формы исполнения и публикации сменился периодом практического действия этого Словаря, его включения в лексикографическую традицию и в лексикологические изыскания нашего времени. Словарь русских народных говоров стал фактом науки.

Здесь обсуждены только те возможности, которые раскрываются перед историком русского языка и диалектологом в работе над томами СРНГ, возможное совмещение диалектных данных с историческими (и предварительные сверки подтверждают высокую репрезентативность СРНГ), — короче говоря, та историческая перспектива, которая выявляется при внимательном прочтении из тщательно отработанных словарных статей, посвященных современной в у ч а щ е й речи русского народа.

В. В. Колесов